

УДК 111.1:94.38

<https://doi.org/10.36906/KSP-2022/41>

Дежиц А.Д.

*Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь*

К ПРОБЛЕМЕ ЖЕНСКОГО НАЧАЛА В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Аннотация. В статье дается анализ системы религиозно-философских воззрений древних греков на женский пол и природу женского начала. Целью работы является выявление фундаментальных оснований отношения греков к проблеме пола. Было выявлено, что разделение полов для греков имеет онтологическое основание, происхождение и сущность мужчин и женщин имеют фундаментальное различие. Это привело к выводу, в соответствии с которыми, женское начало для греков являлось принципиально более низменным и второсортным по отношению к мужскому. Это нашло свое проявление на всех уровнях бытия в греческой философии, а также четко отражалось в их культуре и социальных практиках.

Ключевые слова: Древняя Греция; мировоззрение; «мужское»; «женское»; первоначало; дуализм; материя; форма.

Dzezhyts A.D.

*Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus*

THE PROBLEM OF THE FEMININE IN THE RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL VIEWS OF THE ANCIENT GREEKS

Abstract. The article provides an analysis of the system of religious and philosophical views of the ancient Greeks on the female gender and the nature of the feminine. The purpose of the work is to identify the fundamental foundations of the attitude of the Greeks to the problem of sex. It was revealed that the division of the sexes for the Greeks has an ontological basis, the origin and essence of men and women have a fundamental difference. Conclusions were drawn, according to which, the feminine principle for the Greeks was fundamentally more base and second-rate in relation to the masculine. This found its manifestation at all levels of being in Greek philosophy, and was also clearly reflected in their culture and social practices.

Keywords: Ancient Greece; worldview; “masculine”; “feminine”; the beginning; dualism; matter; form.

В любой греческой космологической концепции важную, если не ключевую, роль играют противоположности. Они либо возникают вследствие разделения изначального единства, либо существует извечно, однако именно из них слагается греческий космос. «Все философы выводят все из противоположностей», – так резюмирует взгляды своих предшественников Аристотель [1, с. 374]. Последовательный анализ данных противоположностей и их коннотационных значений позволяет свести их к единой первоначальной дуальности – небесного и земного, соответственно мужского и женского.

Гесиод в «Теогонии» повествует историю изначального разделения Земли и Неба, вследствие которого, под воздействием сил Эроса возникает изменчивый космос [3]. Возникновение противоположностей – это утрата «золотого века» Любви в философии Эмпедокла [8, с. 330-414]. Платон в диалоге «Политик» также рассказывает миф о царстве Кроноса, более совершенном, чем современная ему эпоха. Тогда же люди не рождали людей, но были геогенетами, происходили собственно из земли, такой мир еще не имел разделенных противоположностей [12, с. 228-271]. Здесь четко прослеживается традиция интерпретации космоса как разделенного единства, некогда утраченного, после которого нам является изменчивый мир со всеми его невзгодами. Это разделение подобно разделению полов, и основной положительной силой этого разделенного космоса становится Эрос, а также сопутствующие ему богини – Афродита и Пейто. Однако у вышеупомянутых мыслителей миф о космическом разделении дублируется мифом о половом разделении в мире людей, которое описывается также как определенное грехопадение и утрата «золотого века» уже не космоса, но человечества [19].

Причем в греческой литературе в этом случае уклон смещается с проблемы утраты изначального единства и смертности рода человеческого, вынужденного продолжать себя в бесконечном цикле порождений, на появлении именно женщин и несчастий, следующих за ними. Очевидно, что древние культы, поклоняющиеся плодородию земли, не придавали женскому началу негативных коннотаций. Однако с усилением греческой полисной цивилизации, которая становилась в оппозицию дикой стихийной природе, изменяются религиозно-философские воззрения на космические начала. Небо становится принципом разумного порядка и гармонии, роль же Матери-Земли постепенно принижается, греки начинают усматривать в ней некоторую деструктивность [10]. Однако изначальной дискредитации подвергается именно «женское племя» среди людей.

Таковой пример встречается уже у Гесиода, тоскующего по лучшим временам, утраченным людьми. В «Трудах и днях» он рассказывает миф, согласно которому человечество было в некотором роде «изгнано из рая». На смену «золотому веку», когда земля всё рождала сама и люди не знали ни смерти, ни деторождения, приходит нынешнее плачевное состояние, когда мы должны с трудом добывать себе пищу, обрабатывая землю, размножаться и умирать. И на это страдание нас обрекла первая женщина – та самая Пандора, которую боги послали людям в наказание за похищенный огонь. Согласно мифу, Пандора открывает сосуд со всеми несчастьями, которые излились в мир людей. Миф о Пандоре проводит прямую

параллель между землей, которую человечество вынуждено обрабатывать своим тяжелым трудом, и женщиной, которую надо «засеивать» как землю и которая так же ненасытна и отнимает у мужчины всю силу. Эпитет «пандора» в значении «всё дающая» – это один из традиционных эпитетов земли. Первая женщина, согласно Гесиоду, собственно и составлена из земли и воды, элементов природного женского начала. Богини наделяют ее привлекательностью, а Гермес – лстивыми речами, лживостью и хитростью [4, с. 80-90]. Таким образом, будучи прекрасными обольстительницами, женщины несут мужчинам великие несчастья:

«[Вот от нее и пошла слабосильная женщин порода.]

Женщин губительный род от нее на земле происходит.

Нам на великое горе они меж мужчин обитают» [4, с. 91]

С одной стороны, утрата «золотого века» и появление женщин по Гесиоду - это переход человечества к эпохе земледелия, в котором земля уже не родит сама из себя, но требует долгого и упорного воздействия. Появление Пандоры подобно столкновению с суровой и враждебной природой, которая нуждается в контроле мужской цивилизации с ее технологиями и порой приносит этой цивилизации великие несчастья. С другой стороны Пандора породила племя вполне себе «людских» женщин, которые подобно этой же природе изменчивы и хаотичны, также должны быть под надзором мужчин и, иначе, несут хозяйству только вред и растраты. Однако в нынешнем «железном веке» Гесиод признает их суровую необходимость, человек смертен и ему нужно справляться с природной стихией для продолжения существования, ему нужна и женщина для продолжения своего рода [4, с. 600].

Примечателен и тот факт, что происхождение женщин у Гесиода принципиально иное, чем у мужчин. Мужское племя, очевидно, сотворили боги и в эпоху «золотого века» всячески угождали ему. Происхождение женщин – своеобразная кара богов. Древнегреческий поэт VII-VI вв. до н. э Семонид Аморгский вообще утверждает, что Зевс сотворил женщин от животных, не удосужившись наделить их душой, как мужчин:

«Различно женщин нрав сложил вначале Зевс,

Но душу в них он вкладывать не стал» [17, с.101].

И создал женщин бог как бы мужчинам в наказание:

«... по промыслу его

И были бедствием, и будут для мужей.

Да, это зло из зол, что женщиной зовут» [17, с. 103]

Традицию, повествующую о причастности женского племени ко всевозможным несчастьям и бедствиям рода людского, продолжают многие греческие поэты, трагики и комедиографы. Описывая характеры женщин, они будут делать акцент на их излишней эмоциональности, иррациональности их поступков и в противовес разумной сдержанности мужчин. Еще «Илиада» была построена на этой ужасающей двойственности женщин: с одной стороны божественная красота Елены, с другой – все те бедствия, которые она принесла грекам и троянцам [6]. Горгий, софист V века, назвал эту женщину «памятником бедствий»

[20, с. 69]. Если вернуться к Гесиоду, то у него Пандора знаменует конец «золотого века», а Елена – «века героев» [4]. У Эсхила и Аристофана женщины, особенно охваченные эротическим влечением, олицетворяют первобытные нечеловеческие силы природы, ставящие под угрозу все порядки греческого общества. Еврипид в «Ипполите» сетует на то, что Зевс послал на землю женский род [7, с. 23]. Греческий комедиограф Менандр (342-291 гг. до н.э.) досадует на Прометея за создание «нечистого племени женщин», принесшего столько несчастий в этот мир [11, с. 104].

Зародившаяся в древние времена традиция связывать женское начало с природным, порождающим, но в то же время ужасающе-хтоническим, продолжила свое существование в полисных культах. Дионисийские вакханалии, экстатичные Элевсинские мистерии, обряды, связанные с рождением ребенка и приготовлением усопшего к погребению – все это требовало непосредственного женского участия. Рождение и смерть регулировались не социальными законами, а необузданными силами, сродными женской природе [9]. В философской традиции причины множественности, изменчивости и неупорядоченности чувственного космоса также стали привязывать к материальному, женскому началу [18]. Противоположное начало напротив объявлялось неизменным и разумным, причиной порядка и гармонии. А так как буйство естественных страстей затрагивало каждого человека и могло привести к ужасающим последствиям, разумное начало должно было руководить действиями любого гражданина. Разумный контроль устанавливался и со стороны полиса над всем обществом. Это мотивировалось тем, что далеко не все люди по сути своей рассудительны и воздержаны. Практически каждый мыслитель, размышляющий на эту тему, признает, что женщины хуже мужчин, они редко руководствуются разумом, но чаще всего своими страстями и желаниями. Пифагореец Клиний, по рассказам Плутарха, на вопрос, какой самый подходящий момент для уединения с женщиной, ответил: «Когда тебе особенно охота повредиться [в уме]» [16, с. 120]. Своеобразная сегрегация женщин в греческом мире находит свою апологетику в этих воззрениях. Как друг другу противостоят небесный разумный порядок и первозданный хаос материи, оформленный им, как и дублирующие этот акт постановления цивилизации, стоящие в оппозиции буйству дикой природы, так и принципиально иными по своей сущности оказываются мужчины и женщины. Именно первым принадлежит разумная регулирующая функция.

Традицию Гесиода, повествующую об особом происхождении женщин, отличном от мужчин и тем или иным способом связанном с некоторым грехопадением, продолжает Платон. Если в «Тимее» он признает существование как бы гермафродитической смертной души, так как ее происхождение смешанное, и худшая ее часть исходит от материи, то происхождение биологических женщин он описывает в ключе морализирующего мифа. Демиург, устраивая вселенную, уготовил каждой душе одно рождение в одном теле. Они должны были «стать теми живыми существами, которые из всех созданий наиболее благочестивы; поскольку же природа человеческая двойственна, лучшим будет тот род, который некогда получит наименование мужей» [13, с. 980]. То есть первым и

благороднейшим родом людей были мужчины. В «Политике» Платон говорит об эпохе Кроноса, как бы «золотом веке», когда людей рождала сама земля [12, с. 983]. Это и есть та первозданная эпоха, указанная в «Тимее», которую утратили люди в результате своих нечестивых поступков. «Тот, кто проживет отмеренный ему срок должным образом, возвратится в обитель соименной ему звезды и будет вести блаженную, обычную для него жизнь, а тот, кто этого не сумеет, во втором рождении сменит свою природу на женскую» [13, с. 990]. И далее: «Те, кто устроил нас, ведали, что некогда от мужчин народятся женщины, а также и звери» [13, с. 991]. Таким образом, первыми среди людей по Платону были мужчины, женщины же, которые в этом контексте стоят в одном ряду с животными, возникают от перерождения мужчин, которые вели распущенный образ жизни, то есть уступили прихотям женской части души, не придерживались указаний разума. Как и в мифе о Пандоре, возникновение женщин – это результат «грехопадения», отход от «золотого века», эпохи Кроноса. В современную эпоху люди принуждены к деторождению, к мнимому бессмертию в бесконечном цикле порождений. «Среди произошедших на свет мужей были и такие, которые оказывались трусами или проводили свою жизнь в неправде, и мы не отступим от правдоподобия, если предположим, что они при следующем рождении сменили свою природу на женскую, между тем как боги, воспользовавшись этим, как раз тогда создали влекущий к соитию эрос» [13, с. 991]. Люди, подверженные этому низшему Эросу, не смогут выйти из бесконечного круга земных рождений. На это способен лишь философ, чей Эрос направлен на мудрость и истину, прекрасное само по себе. Очевидно, что женщина, являясь как бы результатом повторного падения души не сможет возвыситься до «первоначального, наилучшего состояния» при этой жизни. Поэтому, собственно, «Федр» говорит о взаимной любви, окрыляющей души, как возможной лишь между мужчинами [15]. «Потому-то одержимые такой любовью обращаются к мужскому полу, отдавая предпочтение тому, что сильнее от природы и наделено большим умом» [15, с. 371]. Миф Платона сохраняет связь женщины с буйством и неупорядоченностью первозданной природы, ее происхождение подобно происхождению животных, женская часть души лишена какого-либо разумного познания. «Тимей» описывает ее как подобную растению: «Ведь растение находится всегда в страдательном состоянии, ему от рождения не дано способности познать свою природу и судить о чем-либо к нему относящемуся» [13, с. 1008]. И вновь женщины описаны как менее разумные, ведомые своими чувствами и вожделениями. Это и оправдывает контроль над ними со стороны мужчин, их социальную сегрегацию и установленные в обществе обычаи. «Поскольку одна часть души имеет более благородную природу, а другая – более низкую, они разделили полость этого туловища надвое, как бы обособляя мужскую половину дома от женской» [13, с. 992]. Высшее душевное разделение у Платона полностью дублирует разделение социальное. Но в его философии на первый план всегда выходят этические и эпистемологические аспекты. Женщина менее воздержана, для женской части души характерна низшая ступень познания. Мужская часть души непосредственно связана с

божественным разумом. Женская способна соприкоснуться с ним только через дар пророчества [13, с. 1004]. Это все еще чувственное познание в высшей степени исступления.

Филон Александрийский резюмирует важнейший аспект греческого понятия о половых различиях, говоря о разнице между умом, который он называет маскулинным, и чувством, которое он называет феминным. Женское и чувственное – это все то, что связано с природой и материей, причастность к которой в платонизме является конкретной деградацией. Онтологическое падение души как воплощение в материальном теле дублируется чисто человеческим грехопадением, которое проявляется в перерождении в уже в женском теле. Таким образом, женщина в философии Платона – результат упадка и регрессии. Но ее появление не причина несчастий, а само по себе несчастье, наказание за проступки человека в прошлой жизни. Корень зла расположен не в самой женщине, но в женской части души, которая полностью состоит из онтологически женского материала – хоры «Тимея». В «Федоне» Платон пишет: «Наша душа смешана со злом», имея в виду именно эту ее часть [14, с. 56]. Через все диалоги Платона красной нитью проходит тема несправедливой души как источника зла в этом мире. Материя, эта онтологическая мать-кормилица, женская часть души – вот корень зла в его философии. В мире Идей, полностью лишенном полового разделения и материального начала, души были «сами еще непорочными и не испытавшими зла, ожидавшего нас впоследствии» [15, с. 412].

Аристотель также усматривает зло именно в материи, ведь чем совершеннее форма, тем больше она причастна к разуму, благу и божественному началу. Разделение мужчин и женщин в его философии объясняется чисто аксиологическим аргументом: «Постольку лучше, если от низшего будет отделено высшее. Вследствие этого ... от женского начала отделяется мужское» [2, с. 167]. Появление женщин у него уже не связано с каким-либо мифом о грехопадении. В «Метафизике» Аристотель утверждает, что хотя мужчина и женщина являются друг другу противоположностями, они относятся к одному виду [1, с. 303-304]. Женщины рождаются ввиду некоторой слабости их отцов, чье семя (форма) не способно окончательно пересилить материю матери и, «будучи побеждено», либо уничтожается, либо переходит в свою противоположность (две главные противоположности человеческого вида: мужчина и женщина). «Девочка рождается от союза, в котором вследствие молодости, старости или какой-нибудь иной подобной причины возникает недостаток «мужской силы», таким образом, девочка, по сути, является уродом (*teras*), потому что природа до некоторой степени отступила от родового типа (*genos*). Самое первое отклонение от типа – это рождение женщины вместо мужчины» [2, с. 205]. Аристотель характеризует женский пол слабостью и бессилием. Рождение девочки есть, по сути, рождение увечного мужчины. Но Аристотель объясняет это сугубо биологическими причинами. Описывая физиологию мужчин и женщин, он применяет к ним все древние характеристики, связанные с первоначалами: женская плоть – влажная, слабая и мягкая; мужская – сухая, крепкая и плотная. Женская кровь – густая, темная, обильная; мужская – светлая, легкая, центробежная. Процесс «переваривания» или «превращения» крови у женщин сопровождается «недостатком тепла», у мужчин хватает

«жизненного тепла» [2, с. 208]. Такие характеристики «половой» физиологии характерны и для Гиппократовского корпуса (трактаты «О семени», «О диете») [5, с. 435-456].

В философии Аристотеля нет никакого грехопадения: сосуществование форм и материи, их соединение и разрушение носит, по сути, вечный характер. Человек может уподобиться божественному бессмертию только путем бессмертия своего рода, для этого сосуществование полов необходимо. В «Метафизике» Аристотель предлагает и иной путь к божественному, а именно разумную деятельность, которая является высшим проявлением человеческого естества и способно уподобить его вечной сущности, так как знание является постоянным и неизменным. Очевидно, что разумная деятельность – удел лучшего, неувечного представителя человеческого вида – мужчины [1, с. 349]. Воззрения Аристотеля далеки от мифологических схем, но, тем не менее, в его системе источником зла по-прежнему является материя, это праженское начало, источник блага же – абсолютная форма. В возникновении живых существ мать является источником материи, а отец – души и формы. И это отнюдь не аллегории, а конкретные биологические воззрения философа. Возникновение женщин – отклонение формы, которая оказалась не в состоянии пересилить материю и явилась нам в своем искаженном виде. Для Аристотеля это чистая физиология, лишенная этической окраски, но она идет в ключе общей традиции восприятия некоторой ущербности женского пола, либо как полностью отличного от мужского и возникшего иным путем, либо как следствие его деградации. Эти воззрения идут в тесной связи с принижением природного и чувственного мира и онтологической «второсортностью» материи в греческой философии [10]. В оппозицию к ней становится мир абстрактных идей, постигаемых разумом, который в лучшем случае призван контролировать хаос материального мира посредством этических и политических предписаний. Аналогичным же образом мужской социум в греческих полисах соотносился с женским.

Таким образом, в возникновении космоса греческие мыслители обычно выделяли два первоначала, которые либо существовали испокон веков, либо возникли путем разделения изначального единства. Традиционно таковыми представлялись Небо и Земля, наделенные определенными «половым» ролями. Если в древних культах и философских воззрениях дань уважения отдавалась обоим началам, которые считались необходимыми для гармоничного существования космоса, то впоследствии роль матери-Земли начинает постепенно принижаться, все это идет неразрывно со становлением полисной структуры и утверждением особой социальной роли женщин. В греческой философии женское начало, более материальное, станет образом хаоса и изменчивости, а мужское, духовное, получит оформляющее значение, являясь не столько отцом космоса, сколько его творцом, демиургом. Пренебрежение к женскому полу в греческом обществе шло наряду с дискредитацией его онтологического прообраза. Определенные биологические, этические, политические и социальные воззрения на женщин, зародившиеся в Древней Греции, имели свою последующую многовековую историю.

Литература

1. Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
2. Аристотель. О возникновении животных. М.: Изд. АН СССР. 1940. 217 с.
3. Гесиод. Теогония // Полное собрание текстов. М.: Лабиринт, 2001. 256 с.
4. Гесиод. Труды и дни // Полное собрание текстов. М.: Лабиринт, 2001. 256 с.
5. Гиппократ. Избранные книги. М.: Биомедгиз, 1936. 504с.
6. Гомер. Илиада. Л.: Наука, 1990. 576 с.
7. Еврипид. Ипполит. СПб.: Сенат. тип. 1902. 87 с.
8. Лебедев А.В. Эмпедокл // Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. С. 330-414.
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики. М.: АСТ, 2000. 2816 с.
10. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Мысль, 1987. 376 с.
11. Менандр. Комедии. М.: Искусство, 1984. 293 с.
12. Платон. Политик // Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2020. С. 228-271.
13. Платон. Тимей // Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2020. С. 971-1018.
14. Платон. Федон // Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2020. С. 44-88.
15. Платон. Федр // Полное собрание сочинений в одном томе М.: АЛЬФА-КНИГА, 2020. С. 395-430.
16. Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука. 1990. 592 с.
17. Семонид Аморгский. Различно женщин нрав сложил вначале Зевс // Античная литература. Греция. М.: Высшая школа, 1989. Ч. 1. С. 101-108.
18. Шибаршина О.Ю. Эволюция представлений о сущности мужчины и женщины в античной философии // Научный Вестник МГТУ ГА. 2015. № 215. С. 94-98.
19. Эвола Ю. Метафизика пола М.: Беловодье, 1996. 448 с.
20. Thornton V. Eros. The Myth of Ancient Greek Sexuality. Westview Press, 1997. P. 301.

© Дежниц А.Д., 2022